

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Славянские названия месяцев в Древней Руси

В. В. Долгов

Для цитирования: Долгов В. В. Славянские названия месяцев в Древней Руси // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 2. С. 319–332.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.201>

В статье исследуются славянские/языческие названия месяцев, бытовавшие в Древней Руси XI–XIV вв. Автор систематизирует источники, в которых содержатся упоминания об этих названиях. Эти источники могут быть разделены на три группы по количеству упоминаний в них исследуемых названий. Первая группа — это месяцесловы, которые, как правило, составляют единый комплекс с богослужебными Евангелиями-апракосами. В них мы находим более всего упоминаний славянских названий месяцев. Вторая группа: древнерусские нарративные источники. Источники этой группы в данном случае представлены одним памятником — «Повестью временных лет» — и единственным упоминанием славянского названия («грудень» — ноябрь). Третья группа объединяет разнообразные источники, общий признак которых — происхождение и бытование в простонародной среде. Это источники, связанные с повседневностью. В данную категорию в рамках статьи отнесены берестяные грамоты, епитимийники, граффити и пр., вовсе не содержащие упоминаний славянских названий и, более того, практически не содержащие следов месячного счета как такового. Автор приходит к выводу, что славянские/языческие названия месяцев появились на Руси вместе с древнеболгарскими (церковнославянскими) рукописями и не имеют прямой связи с местными восточнославянскими обычаями. Древнеболгарские книжники, прошедшие выучку в среде, ценностные ориентиры которой были заложены кирилло-мефодьевской школой, имели высокую познавательную культуру и широкие взгляды. Это позволило им отнестись с уважением к собственному языческому наследию и зафиксировать болгарские названия месяцев на страницах месяцесловов. На Руси ситуация была иная. Борьба с язычеством не была завершена. Это не позволяло русским священникам впускать языческие элементы в христианскую бытовую культуру. На повседневном уровне люди

Вадим Викторович Долгов — д-р ист. наук, проф., Удмуртский государственный университет, Российская Федерация, 426034, Ижевск, ул. Университетская, 1; dolgov@udm.ru

Vadim V. Dolgov — Dr. Sci. (History), Professor, Udmurt State University, 1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation; dolgov@udm.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

либо избегали пользоваться помесечным счетом или пользовались латинскими названиями, принятыми Русской православной церковью. Славянские названия месяцев на Руси встречаются только в текстах болгарского происхождения.

Ключевые слова: Древняя Русь, календарь, просинец, сечень, сухой, березол, травный, изок, червен, зарев, рюен, листопад, груден, студеный.

Slavic Month Names in Old Russia

V. V. Dolgov

For citation: Dolgov V. V. Slavic Month Names in Old Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 2, pp. 319–332. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.201> (In Russian)

The article examines Slavic / pagan month names that existed in Old Russia in the 11th–14th centuries. The author systematizes the sources that contain references to these names. These sources are divided into three groups according to the number of references to the studied names in them. The first group is menologies, which, as a rule, form a single complex with the liturgical Aprakos-Gospels. Most references to the Slavic month names can be found there. The second group is comprised of the Old Russian narrative sources. The sources of this group are represented by one chronicle. This is the Tale of Bygone Years. There is one mentioning of the Slavic month name in this chronicle — “Gruden” (November). The third group unites various sources, whose common feature is the origin and existence in everyday life of common people. This group of sources includes birch bark letters, penances, graffiti, etc. There are no references to Slavic month names and practically no examples of using months to count time in these sources. Based on the examined data, the author comes to the conclusion that the Slavic / pagan month names came to Russia along with the Old Bulgarian (Church Slavonic) manuscripts and had no direct connection with local East Slavic customs.

Keywords: Ancient Russia, calendar, prosinets, sechen, sukhii, berezol, travnyi, izok, cherven, zarev, riuen, listopad, grudен, studenyi.

Проблема реконструкции народных (дохристианских) названий месяцев не принадлежит к числу животрепещущих вопросов отечественной исторической науки. Причин этому как минимум две. Обе они лежат в области не столько собственно научной, сколько в некотором роде эпистемологической.

Первая и, пожалуй, самая главная причина заключается в том, что названия месяцев кажутся известными безо всякого специального исследования. Мы находим их на страницах карамзинской «Истории Государства Российского», с которой начинают свое знакомство с русским Средневековьем не только любители, но и историки-профессионалы. Внимание читателя обычно не слишком фиксируется на этом пассаже третьей главы фундаментального труда Н. М. Карамзина, не каждый читатель смотрит сноску по столь незначительному поводу, но в глубине сознания откладывается, что названия эти известны.

Вторая причина имеет прагматический характер: всякий человек, знакомый с древнерусской литературой, знает, что общеупотребительными названиями с момента зарождения русской книжности являются названия, происходящие из римского календаря. Посредством греческого и церковнославянского языков «январь», «февраль», «март» и пр. вошли в древнерусский литературный язык. Это обстоя-

тельство выводит тему народных (дохристианских) названий месяцев из собственно хронологического контекста: знаем мы эти названия или не знаем, на механизм определения времени событий это никак не влияет. Русская средневековая хронология и без того ставит перед исследователем массу сложных задач — древнеславянский месяцеслов в их решении помочь не может¹.

Меж тем, как будет показано в дальнейшем, при более внимательном взгляде на проблему изначальная ясность кажется не более чем иллюзией. Кроме того, проблема реконструкции народных (дохристианских) названий месяцев имеет право на самостоятельное внимание в контексте изучения древнерусской культуры. Календарь вообще и месяцеслов в частности — явления, глубоко укоренные в бытовую повседневность. Соотношение «народных» и «церковных» элементов может дать основания для выводов по более общим вопросам, поэтому имеет смысл еще раз инвентаризировать имеющиеся у нас источники и теоретические соображения по этому поводу.

1. Начнем с того, что основной источник, позволяющий нам судить о «дохристианских», «славянских» названиях месяцев, — это, как ни странно, памятники сугубо церковной, более того, богослужебной литературы. За очень редким исключением (о которых речь пойдет далее) славянские названия содержатся в месяцесловах, которые чаще всего составляют дополнения к древнерусским служебным Евангелиям-апракосам. В апракосах евангельский текст был организован в порядке календарных чтений. Этому принципу подчиняются и месяцесловы, в которых регламентируются календарные чтения прочей богослужебной литературы.

Месяцеслов, использованный Н. М. Карамзиным, составляет вторую часть древнего Галицкого Евангелия 1144 г. Карамзин дает названия месяцев со ссылкой на этот месяцеслов, изменив, впрочем, имеющийся там порядок перечисления месяцев сообразно современному календарю: «Наблюдая течение года, они, подобно Римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из них дали название согласно с временными явлениями или действиями природы: Генварю Просинец (вероятно, от синеты неба), Февралю Сечень, Марту Сухий, Апрелью Березозол (думаю, от золы березовой), Маию Травный, Июню Изок (так называлась у Славян какая-то певчая птица), Июлю Червен (не от красных ли плодов или ягод?), Августу Зарев (от зари или зарницы), Сентябрю Рюен (или Ревун, как толкуют: от рева зверей), Октябрью Листопад, Ноябрью Груден (от груд снега или мерзлой грязи?), Декабрью Студеный»². В самом Евангелии, которое сохранилось до наших дней и доступно для изучения в собрании Государственного исторического музея, первым идет «месяц сентябрь рекомый рюень»³.

Вторым по значимости и частоте использования источником можно считать Остромирово Евангелие-апракос, хранящееся в собрании Российской национальной библиотеки. Оно существенно древнее Галицкого: согласно Послесловию, диакон Григорий закончил работу над книгой в 1057 г. Его составной частью также

¹ Степанов Н. В. Единицы счета времени (до XIII в.) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете 1909 г. Кн. 4 (231). М., 1909. С. 1–74.

² Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. 1. СПб., 1818. С. 81–82.

³ Галицкое Евангелие (1144, Галицко-Волынское княжество / ГИМ, Син. 404) // Государственный исторический музей. Электронный каталог. URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/177149?query=галицкое%20евангелие%20&index=2> (дата обращения: 06.04.2021). Л. 242 об.

является месяцеслов, типологически сходный с месяцесловом Галицкого Евангелия. Однако упоминания о славянских названиях месяцев в нем носят эпизодический характер. Собственно, мы имеем такие описания только в двух фрагментах: «Съборьникъ църкъвьныйи начинаеться отъ месяца септябра до месяца августа рекомаго зарева»⁴. «Месяца енуара просиньца рекомаго»⁵.

Помимо указанных, славянские названия содержатся еще в ряде русских рукописей, обзор которых дан в монографии О. В. Лосевой⁶. Исследователь отмечала, что в русских, болгарских и сербских текстах номенклатура славянских названий за небольшим исключением единообразна и устойчива.

В качестве типичного примера южнославянской рукописи можно привести Тырновское Евангелие⁷, в котором номенклатура месяцев полностью повторяет номенклатуру Галицкого Евангелия и выглядит следующим образом: сентябрь — «роуинъ», октябрь — «листопадъ», ноябрь — «гроудень», декабрь — «стоудень», январь — «просинець», февраль — «сѣчень», март — «соухый», апрель — «брѣзѠвъ», май — «трѣвень», май — «изокъ», июль — «чрѣвень» (sic), и август — «заревъ».

Не менее интересно Зографское Евангелие, основная часть которого написана глаголицей и относится к XI в. Месяцеслов этого Евангелия написан позже, в XIII в., кириллицей. И глаголическая, и кириллическая части Евангелия, судя по особенностям языка, написаны в Болгарии⁸. В нем также содержится упоминание славянских названий: «Месяц себтябрь рекомы руен», «охтябр рекомы листопад», «месяц ноябр рекомь грудень», «месяц декабрь рекомы студень», «месяц генвар рекомы просинець»⁹.

К той же категории следует причислить и относительно поздний источник, переводной характер которого очевиден, — это календарь-месяцеслов, обнаруженный в псковских рукописях XV–XVI вв. в составе кормчих книг Я. Н. Щаповым¹⁰.

Таким образом, номенклатура месяцев в русских и югославянских рукописях совершенно идентична и не имеет региональных вариантов.

2. Второй вид источников: русские нарративные. Этот вид представлен всего одним источником — «Повестью временных лет». И фрагмент, в котором упомянуто славянское название месяца, тоже один: «Онѣмъ же обѣдавшимъ, поидоша с нимъ въекорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць грудень, рекше ноябрь»¹¹. При этом следует иметь в виду, что «ноябрь» в привычной нам форме

⁴ Остромирово Евангелие // Российская национальная библиотека. Виртуальные выставки. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/index.php (дата обращения: 06.04.2021). Л. 210 об.

⁵ Там же. Л. 256.

⁶ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 27–28.

⁷ Vajaves M. Trnovsko tetrajevandeliје // Starine. 1889. Knj. 21. С. 67–68.

⁸ Милтенов Я. Три пласта на лексикално редактиране в Зографското Евангелие // Slověne. 2019. Vol. 8, № 1. С. 12–24; Левшина Ж. Л. Зографское Евангелие // Православная энциклопедия. М., 2009. С. 315–316.

⁹ Зографское Евангелие // Российская национальная библиотека. Виртуальные выставки. URL: https://expositions.nlr.ru/ex_manus/Zograph_Gospel/about_manus.php (дата обращения: 06.04.2021).

¹⁰ Щапов Я. Н. Календарь в псковских рукописях XV–XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 37. Л., 1983. С. 157–183.

¹¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 261.

упомянут восемь раз¹². Важно также, что нет пассажей, в которых бы «грудень» был упомянут без дополнительных пояснений. Как, впрочем, нет таких примеров и в месяцесловах.

3. Третий раздел нашей классификации объединяет несколько типов источников, в которых славянских названий нет. Тем не менее эти источники являются важным элементом нашей базы данных, поскольку, если переменная равна нулю, это тоже имеет значение для оценки всего комплекса источников в целом. Славянских названий нет в источниках законодательного характера (Русской Правде, княжеских уставах) и их нет в актовом материале (впрочем, актов изучаемого периода сохранилось немного).

На уровне предварительной гипотезы ожидаемо было бы встретить славянские названия в берестяных грамотах. Такое предположение обусловлено тем, что берестяные грамоты наиболее близко отражают устную повседневную языковую традицию, в которой дохристианские, нецерковные термины, казалось бы, должны сохраниться в большем объеме. Но, увы, никаких следов славянских названий месяцев в берестяных грамотах обнаружить не удалось.

Нет славянских названий в рукописных маргиналиях, максимально полное исследование которых предпринято Л. В. Столяровой¹³. Поскольку содержание маргиналий — это часто запись о памятных событиях или о факте завершения работы над рукописью, то календарные указания встречаются там довольно часто. Однако писцы даже в этих ненормированных текстах придерживались обычных латинских названий.

Славянских названий месяцев нет в текстах граффити¹⁴. Названия месяцев в граффити традиционно латинские.

Вот, собственно, и весь перечень.

Имеющиеся данные неоднократно подвергались анализу и служили материалом для научных реконструкций. Первым такую реконструкцию произвел сам Н. М. Карамзин, обозначив приведенные им названия месяцев не просто как славянские, но как именно русские: «Я выписал сии древние Русские [именно так, курсивом и с прописной буквы] имена из харатейного Евангелия 1144 года»¹⁵. Мысль историка была проста и понятна. Галицкая рукопись явно русская по происхождению. Логично предположить, что и названия месяцев в ней даны русские.

Взгляд Карамзина получил широкое распространение. Вслед за Карамзиным русскими названия месяцев считали и другие исследователи. Древнерусскими считал названия месяцев Остромирова и Галицкого Евангелий И. И. Срезневский (см., например, «просинец»¹⁶). Русским считал переводчика Галицкого Евангелия 1144 г. В. Е. Гусев¹⁷. Видный филолог В. В. Колесов, в книге, посвященной истории

¹² Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет» // Там же. С. 656.

¹³ Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаментных кодексов XI–XIV вв. М., 2000.

¹⁴ Высоцкий С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.

¹⁵ Карамзин Н. М. Примечания к I тому истории государства Российского // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 63.

¹⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 2. СПб., 1902. Стб. 1567.

¹⁷ Гусев В. Е. Названия времен года и месяцев у славян // Гусев В. Е. Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы. СПб., 2012. С. 103.

русского языка, пишет о перечисленных названиях именно как о древнерусских¹⁸. Казалось бы, существующий консенсус не дает основания для пересмотра атрибуции. Тем не менее есть факты, которые позволяют усомниться в справедливости вывода и том, что названия месяцев в перечисленных источниках действительно русские.

Перечислим их по порядку. Начнем с анализа главных источников — Евангелий-апракосов.

А. Галицкое Евангелие 1144 г. Текст Евангелия был детально изучен несколькими поколением лингвистов и палеографов. В ходе исследования подтвердилось, что Евангелие написано в Юго-Западной Руси и имеет целый ряд языковых диалектных особенностей, указывающих на юго-западное происхождение¹⁹; поэтому вполне закономерно отношение Н. М. Карамзина к этой рукописи как к русской. Однако месяцеслов, переплетенный в один кодекс с Четвероевангелием, написан в другое время, другим почерком и имеет языковые особенности. Эти особенности были отмечены академиком А. И. Соболевским. Он указывал, что текст месяцеслова списан с среднеболгарского оригинала. На болгарское происхождение текста месяцеслова указывает целый ряд лингвистических особенностей, а именно использование большого юса и замена его через юс малый и юс йотированный, использование буквы «т» вместо «ѿ» и пр.²⁰

Обращает на себя внимание, что среди перечисленных в месяцеслове святых есть только один русский — св. Федосий Печерский. Меж тем в XII в. святых было больше. Можно уверенно говорить о почитании св. Бориса и Глеба, св. Антония Печерского, княгини Ольги и пр.

Необходимо принять во внимание и еще одно немаловажное обстоятельство: в XII в. год на Руси начинался в марте. Но названия месяцев во всех месяцесловах начинаются с сентября, то есть с первого месяца византийского и болгарского нового года.

Таким образом, язык и содержание рукописи заставляют иначе смотреть на генеалогию текстов месяцеслова Галицкого и Тырновского Евангелий. Их схожесть объясняется не происхождением второго от первого, а их общим происхождением от некоего болгарского протографа. Соответственно, названия месяцев в тексте являются результатом работы болгарского, а не русского автора.

Б. Остромирово Евангелие. Текст Евангелия также хорошо изучен. Рукопись выполнена на высоком художественном и техническом уровне. Язык Остромирова Евангелия — церковнославянский. Высокий класс переписчика выразился в том, что никаких указаний на те или иные диалектные особенности в нем нет. Текст переписан не приблизительно на слух, а скрупулезно, с буквальным соответствием древнеболгарскому оригиналу. И. Н. Данилевский показал, что и датировано Остромирово Евангелие по болгарскому летоисчислению²¹. Месяцы в месяцесло-

¹⁸ Колесов В. В. История русского языка в рассказах. СПб., 2005. С. 47–59.

¹⁹ Федорова М. А. Графико-орфографические особенности Галицкого Евангелия 1144 г. // Древняя Русь. 2019. № 4. С. 128–143; Воскресенский Г. А. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям Евангелия XI–XVI вв. М., 1896. С. 11.

²⁰ Соболевский А. И. Труды по истории русского языка: в 2 т. Т. 1: Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка. М., 2004. С. 32–33.

²¹ Данилевский И. Н. О дате Остромирова Евангелия // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001. С. 93–94.

ве тоже начинаются по византийско-болгарскому образцу с сентября, то есть весь текст Остромирова Евангелия выглядит как точная копия болгарской книги.

В связи с этим обстоятельством привлекает внимание мнение Е. К. Крушельницкой, согласно которой один пассаж все-таки выдает в переписчике Остромирова Евангелия русского книжника: «Только в тексте Послеловия, да еще в нескольких приведенных по-славянски названиях месяцев в месяцесловной части (“зарева” — август, “просинец” — январь) отмечаются языковые черты, свидетельствующие о том, что диакон Григорий был восточным славянином, древнерусским человеком. Но новгородцем или киевлянином — неизвестно, что впрочем, почти не играет роли в вопросе локализации рукописи, ведь профессиональный писец мог переходить из одного книжного центра в другой»²².

Однако анализ месяцеслова Галицкого и прочих Евангелий показывает, что именно названия упомянутых месяцев не являются специфически русскими. Во всяком случае, их русское происхождение если и находится в пределах вероятного, то не является самоочевидным фактом, и точно не может следовать из того, что автор упоминает славянские названия. В общем и целом, повторим, текст Остромирова Евангелия — качественная копия болгарского оригинала.

Иначе говоря, «след русскости», обнаруженный Е. В. Крушельницкой в тексте Остромирова Евангелия, на деле таковым не является: названия месяцев, как и весь прочий текст, — все вполне болгарское.

К перечисленным наблюдениям над конкретными рукописями следует добавить соображение общего порядка. Известно, что русская книжность делала свои первые шаги, копируя церковнославянские оригиналы. Причем практически всегда прослеживается следующая закономерность: чем выше качество рукописи, тем точнее следование византийским и болгарским образцам. Это хорошо видно при сопоставлении двух Изборников: 1073 и 1076 гг. Изборник Святослава 1073 г. — большеформатная «парадная» рукопись, написанная на великолепном пергамене и украшенная высокохудожественными миниатюрами, содержит церковнославянские тексты, написанные безо всякой творческой трансформации, в которой можно было бы заподозрить руку русского автора. Изборник 1076 г. — просто выполненная небольшая книжка на плохом пергамене, наполненная текстами, подвергшимися значительной редакторской переработке на Руси²³. Меж тем все околоевангельские тексты, в которых мы встречаем названия месяцев, по уровню исполнения близки именно Изборнику 1073 г., то есть являются точными копиями болгарских оригиналов. Так или иначе церковно-служебная литература относится к той части древнерусского книжного наследия, в котором именно древнерусские черты проявлялись менее всего.

Рассматривая церковнославянские тексты Евангелий, следует иметь в виду, что в повседневном обиходе самих древних болгарских центров книжности славянские названия месяцев были уже прочно вытеснены византийскими (латинскими). Однако ученики Кирилла и Мефодия, воспитанные в традициях греческой ученой

²² Крушельницкая Е. В. Остромирово Евангелие (1056–1057 гг.) и Российская национальная библиотека: хранение и изучение памятника // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов. СПб., 2010. С. 15–40.

²³ Творогов О. В. Изборник 1076 года // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 197.

любопытности, сочли необходимым зафиксировать славянские названия месяцев, которые, очевидно, еще бытовали в народной среде у южных славян. Именно уважение к народным славянским традициям, вполне советовавшее общему духу кирилло-мефодьевской школы, подвигло древнеболгарского книжника к исполнению такой «этнографической» работы. Утилитарной, в узком смысле, необходимости в записи славянских названий не было. Смысл был именно познавательный, культурный.

На Руси ситуация была иная. Язычество было еще живо, поэтому не было условий для того, чтобы с ученым умилением сохранять его обломки на книжных страницах. Борьба христианства с местными верованиями и обычаями прошла путь, недостаточный для того, чтобы ее накал начал угасать и появилась возможность смотреть на языческое наследие с гуманистическим интересом победителя. Поэтому славянские названия месяцев проникли в русскую словесность исключительно как элемент устойчивого комплекса, сформированного болгарскими книжниками, а не сами по себе (даже если предположить, что восточнославянские варианты не сильно отличались от югославянских).

При атрибуции названий месяцев, зафиксированных в Евангелиях-апракосах, интересно обратить внимание на этимологию этих названий. Н. М. Карамзин собрал в примечаниях к первому тому своего труда различные мнения на этот счет²⁴. Он указывает, что Й. Добровский выводил название месяца «просинец» от глагола «просить». «Сечень» от «жестоких морозов» или от того, что славяне в это время что-то секли (рубил) и пр. Весьма интересны попытки Карамзина. Он обсуждал этот вопрос с К. Ф. Калайдовичем, мнение которого менялось. Сначала Калайдович сообщил Карамзину, что это птичка, но затем по размышлению изменил мнение и на основании переводов бесед Василия Великого пришел к выводу, что это кузнечик, которых в древние времена тоже причисляли к роду пернатых.

За время, прошедшее с момента выхода труда Карамзина, наука мало продвинулась в изучении этого вопроса. Впрочем, нельзя сказать, что исследователи совсем не касались этой темы после Карамзина. Чаще всего обращение к теме названий происходило в контексте исследований древнерусского счета времени вообще. Кроме того, сами эти древние славянские/языческие названия своей оригинальной формой взывали к этимологическим размышлениям. Так, известный археолог Д. И. Прозоровский высказал несколько интересных наблюдений относительно хронологического содержания базовых терминов, которыми древнерусские книжники обозначали времена года. Он показал, что представления об «осени», «зиме», «весне» и «лете» имели в древнерусские времена иное, отличное от современного наполнение. Кроме того, он оспорил идею К. Ф. Калайдовича о том, что «изокъ» — это кузнечик, поскольку в «одной рукописи» XIII в. этим словом назван Иоанн Златоуст, а было бы странно называть Иоанна Златоуста кузнечиком. Д. И. Прозоровский был уверен, что это все-таки птичка, например жаворонок²⁵. Относительно главной темы данной статьи — языковой и культурной принадлежности славянских названий месяцев — исследователь считал, что «едва ли есть возможность

²⁴ Карамзин Н. М. Примечания к I тому истории государства Российского // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 64–65.

²⁵ Прозоровский Д. И. О славяно-русском дохристианском счислении времени // Труды 8-го археологического съезда в Москве. 1890 г. Т. 3. М., 1897. С. 209.

определить, из народной ли практики взяты эти списки [названий месяцев], или из какого-либо особого источника»²⁶.

Также в контексте исследования древнерусской хронологии свои соображения относительно этимологии названий месяцев высказал астроном Д. О. Святский. Названия, приведенные у Карамзина, он *a priori* считает древнерусскими и дает им разнообразные объяснения. Например, он считает верным предположение, что название месяца «березол» происходит от того, что апрель очень «зол» для берез, поскольку в этом месяце из берез «выпускают сок». «Всем действительно известно, сколько больших деревьев портится весной в России для добывания березового сока, употребляемого в качестве питья», — пишет астроном²⁷.

Статья Д. О. Святского вызвала отклик в астрономическом сообществе. Журнал «Мироведение», редактируемый самим Святским, опубликовал небольшую заметку В. Ячина (судя по всему, любознательного читателя из г. Опочки Псковской области), в которой высказывалась другая версия (весьма умозрительная, но интересная). По мнению Ячина, названия месяцев «сечень», «сухий» и «березол» связано с циклом сельхоз работ при подсечно-огневом земледелии. Происходило все так: в январе — феврале земледельцы рубили («секли») деревья в лесу, предназначенном под посев, поэтому месяц получил название «сечень». Затем в марте лес сох — отсюда «сухий», а потом его сжигали, обращая в золу — «березол»²⁸.

Полной ясности в вопросе об этимологии названий месяцев достигнуто не было. Однако понятно, что тем или иным образом они отражают характерное для обозначаемых сезонов состояние природы или фазу сельскохозяйственного цикла: летние месяцы маркированы указанием на тепло, зимние — на холод. Для выявления климатических особенностей, зафиксированных в названиях природных реалий, зимние и летние месяцы не представляют особого интереса, поскольку и в Болгарии, и на Руси зимой в основном холодно, а летом жарко. Гораздо информативней месяцы переходных времен года: осени и весны. Разница широты в 10 градусов дает значительное различие в динамике протекания этих сезонов. Так, в средней полосе России период листопада приходится на сентябрь, а в начале октября уже завершается, поэтому название «листопад» ассоциируется с более ранним временем. То же самое мы видим и в случае весенних месяцев. Март в Болгарии (в соответствии, правда, с современным климатическим таблицам) — это время начала устойчивого потепления после зимы. В районе Пловдива мартовские температуры перестают опускаться ниже нулевой отметки, солнечные дни выпадают на большую часть месяца, поэтому в Болгарии март вполне заслуживает наименования «сухий». Но уже в районе Киева или Смоленска климат становится холоднее, солнечных дней в марте обычно не более недели: до того, чтобы назвать его сухим, еще далеко. То же касается и апреля, если трактовать название «березол» как время, когда на березах появляется листва. В средней полосе России обычно это происходит в начале мая, то есть климатический расклад славянских названий, упоминающийся в Евангелиях-апракосах, указывает на регион более теплый, чем большая часть восточнославянских земель.

²⁶ Там же. С. 205.

²⁷ Святский Д. О. Календарь наших предков // Известия РОИМ. 1917. № 6 (30). С. 283–292.

²⁸ Ячин В. К вопросу о происхождении древнерусских названий месяцев // Мироведение. 1928. Т. XVIII, № 3. С. 170–171.

В. «*Повесть временных лет*». Появление исторических записей на Руси тоже стало результатом включения новообращенных восточных славян в культурную традицию византийского «содружества наций» (по терминологии Д. Оболенского). Однако в этом случае усвоение наследия проходило в более творческой форме.

Постижение истории как сферы интеллектуального «делания» началось традиционно со знакомства с византийскими хрониками в славянских переводах. Уже в самих этих переводных хрониках (например, в «Хронике» Амартола) были использованы латинские названия месяцев. Более того, названия месяцев стали для автора «Хроники» темой для специальных рассуждений и пояснений. На ее страницах рассказана специфическая этимология происхождения названия февраля, согласно которой название это происходит от имени «боярина Февроуария». Этот боярин враждовал со стратигом Маллием и в один момент смог его одолеть. Этим воспользовались галлы, напавшие на город и причинившие ему много разорения. В трудной ситуации Маллий смог вернуть себе власть и «посек» галлов. Февроуарий оказался виновником разорения города и потерпел позорное поражение, память о котором сохранена в названии месяца. «Таче область въ Риме взя Малии и скорбяше о погибели градъстемъ в Секстилии месяце украти дни месяца, яко злочastenъ бывшъ Риму граду, етвергъ имя ему, да не именууютъ его тако. Связавъ врага своего Февроуария и все имения его вземъ от него, и нага обнаживъ, оде его въ рогозину, ситиемъ исплетеноу, и оужемъ препоясавъ, и повеле жезльникомъ бити и глаголати к нему: “изиди, Февроуарье”, и тако бещести изгнанъ их Рима, оубьенъ бысь. Сектилия же месяца Февроуарья нарече, яко достоиную соущю злочастному месяцу имя Февраря да зоветься»²⁹.

Творческий характер в создании исторического нарратива на Руси выразился в том, что русские книжники не ограничились переводом и цитированием византийских хроник, а запустили процесс создания собственного комплекса оригинальных исторических текстов. Понятно, что творческий подход не терпит прямого копирования, но вполне допускает работу по аналогии. Русский летописец подобно византийскому хронисту тоже дает этимологическое рассуждение, объясняющее название одного из месяцев: «Онѣмъ же обѣдавшимъ, поидоша с нимъ въекорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць грудень, рекше ноябрь»³⁰. Таким образом летописец обозначил и описал дату, когда слуги Святополка II везли ослепленного князя Василька Тербовольского из Киева во Владимир.

В этой летописной датировке обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, случай этот в русском летописании единичный, что уже само по себе важно. Важно также и то, что этот единственный случай явился в южном летописании, а не в новгородском. Во-вторых, важно отметить сам факт рассуждения летописца над этимологией славянского названия. Такое рассуждение показывает, что слово «грудень» не было для автора летописного текста обыденностью, раз его звучание натолкнуло его на языковые размышления и сопоставления.

В-третьих, интересную особенность этой датировки отметил А. В. Журавель, обративший внимание на то, что в истории об ослеплении Василька Тербовольского есть хронологическая нестыковка. В тексте летописи сказано, что ослеплен-

²⁹ Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. Пг., 1920. С. 41.

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. С. 261.

ного Василька привезли из Киева во Владимир-Волынский «въ 6 день». Эта фраза всегда понималась исследователями как указание на время в пути — 6 дней. Поскольку Василька, как сказано в летописи, ослепили 5 ноября, то иной трактовки вроде бы быть не может, то есть не может быть такого, чтобы уже 6 ноября он был во Владимире. Однако А. В. Журавель обратил внимание на то, что преодолеть почти 500 км за шесть дней по плохой дороге на телеге все-таки затруднительно; поэтому он считает, что вторая дата указана по лунному календарю и может быть непротиворечиво прочтена как датировка, сделанная не по привычному для Древней Руси мартовскому, а по византийско-болгарскому сентябрьскому стилю. В этом случае время пути составляет уже восемнадцать дней, что больше похоже на правду³¹, то есть в единственном летописном упоминании славянского названия также прослеживается «болгарский след».

Г. *Документы, отражающие бытовую повседневность*. В эту весьма обширную группу в рамках настоящего исследования объединены источники, происхождение и функционирование которых было глубоко укоренено в бытовую повседневность древнерусского общества. В число таких источников мы включаем разного рода законодательные³² и прочие акты, епитимийники³³ и, конечно, берестяные грамоты. Как уже было сказано, упоминания о славянских названиях месяцев во всех этих текстах отсутствуют. Однако важно еще и то, что и латинских названий тоже нет. Вообще, судя по указанным источникам, счет по месяцам в повседневном обиходе не использовался. Особенно в этом смысле интересны епитимийники. Мера церковных наказаний (прежде всего, поста) так или иначе измеряется временными промежутками. Причем эти промежутки имеют вполне практический характер, ведь наказанному предстояло самому отсчитать нужный срок, чтобы считать наказание отбытым, а совесть вновь чистой. Так вот епитимийники оперируют только днями, неделями и годами. Привычных современному человеку месяцев в них нет. То же мы видим и в берестяных грамотах.

Систематизация источников позволяет сделать некоторые предположения и выводы. В целом, ситуация складывается, на первый взгляд, довольно странная. Почему в повседневном обиходе практически не использовался месячный счет? Как могло получиться, что латинские названия месяцев, совершенно чуждые народной массе, смогли вытеснить названия народные/славянские; причем вытеснить так, что нигде, даже в самой толще народного быта, куда заглянуть нам позволяют берестяные грамоты, от них не осталось и следа?

Ответить на этот вопрос со стопроцентной уверенностью невозможно. Можно, однако, высказать относительно непротиворечивое предположение, которое в контексте настоящей работы будет играть роль выводов.

Итак, солнечные месяцы в отличие от лунных — явление неочевидное. Они отсчитываются путем чисто умозрительной операции деления солнечного года на двенадцать частей. Для определения солнечных месяцев требуется вести аккурат-

³¹ Журавель А. В. Месяцы «книжные» и «небесные»: их соотношение на страницах летописей // Историко-астрономические исследования. Вып. XXX. М., 2005. С. 59–60.

³² Долгов В. В. Функции юридических текстов в Древней Руси (на примере «Мерила праведного») // Вопросы истории. 2013. № 10. С. 91–99.

³³ Алмазов А. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории: в 3 т. Т. 3: Приложения. Одесса, 1894; Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX веках: исследование и тексты. СПб., 2006.

ный счет, отмеряя каждый раз нужное количество дней. Причем количество немалое. Это неудобно.

Лунные видны всякому, смотрящему на ночное небо. Собственно, число месяцев (и солнечных, и лунных) — двенадцать — пошло именно от количества лунных циклов, сменяющихся за год. Однако, как известно, двенадцать лунных циклов не совпадает с полным оборотом Земли вокруг Солнца. Несовпадение это при помощи известных корректировок можно нивелировать и привести обе системы к одному знаменателю. Однако производить постоянно такие вычисления простому человеку затруднительно и поэтому тоже неудобно. Ему довольно было ориентироваться в тех очевидных материях, от которых зависел цикл сельхозработ: весна, лето, осень, зима; день и ночь. Счет в пределах десятка (наиболее простая система счисления, в буквальном смысле «счет на пальцах») позволял ввести в употребление понятие недели. Это было оправданно, поскольку было связано с режимом труда и отдыха. Более сложные вычисления: определение даты Пасхи, индикта и, как видим, счисление месяцев — были обычному селянину: а) не под силу; б) ни к чему.

Непростое и неочевидное сочетание астрономических фактов издревле сделало ведение календаря делом, требующим определенного профессионализма, а обращение с дробной и путаной шкалой было уделом интеллектуальной элиты. Возможно, какие-то названия месяцев у восточных славян существовали. Более того, если они существовали, то, скорее всего, были весьма близки к тем, о которых мы узнаем из источников болгарского происхождения, поскольку, скорее всего, являются наследием эпохи славянского единства. Однако научная добросовестность не дает возможности ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение ссылками на источник (письменные или фольклорные). Как звучали восточнославянские названия месяцев, мы не знаем. Этот элемент восточнославянской языческой культуры бесследно утрачен. *Встречающиеся в памятниках древнерусской письменности славянские/языческие названия месяцев имеют источником исключительно болгарские тексты и поэтому не могут служить материалом для изучения восточнославянского месяцеслова.*

Борьба православия с христианством протекала неодинаково на разных фронтах. Базовые элементарные формы народной религиозности сохранялись столетиями, но языческое жречество пало в этой борьбе довольно быстро. С ним ушли и специфические знания (каковы бы они ни были). Ушел и туземный календарь (каков бы он ни был). На смену жрецам (каковы бы они ни были) заступили православные священники, культивировавшие полученную из византийской ойкумены систему знаний. Как было показано А. Е. Мусиным, это произошло еще задолго до официального принятия христианства³⁴.

Более того, сам счет солнечных месяцев у восточных славян мог быть устроен силами православного духовенства, и устройство это изначально было сделано по византийской системе. Судить о том, пришлось ли для этого уничтожить предшествующую (условно «языческую») восточнославянскую традицию счисления месяцев, мы не можем по той простой причине, что об этой традиции нам ничего не известно: не известно даже, существовала ли она.

³⁴ Мусин А. Е. О распространении христианства в Древней Руси IX–XIV вв. на основе данных археологии и письменных источников // Исторический вестник. 2000. № 6. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/443949.html> (дата обращения: 06.04.2021).

У южных славян ситуация с названиями месяцев сложилась иначе. Номенклатура была сформирована на базе славянских терминов. Представляется, что наиболее возможными являются два варианта протекания этого процесса. 1. Система названий сложилась в дохристианскую эпоху и была сохранена болгарским духовенством, адаптировавшим ее к новой христианской системе счета времени. 2. Она была сформирована тем же духовенством из туземных элементов «на равном месте» по образцу византийской, но с заменой названий римских на славянские.

Так или иначе, в формировании болгарского месяцеслова славянский субстрат проявился в существенно большей степени. Почему это произошло? Очевидно, решающее воздействие на формирование системы болгарского месяцеслова оказала познавательная культура наследников кирилло-мефодиевской традиции, впитавшей в себя элементы византийской светской образованности³⁵. Гуманистическая византийская познавательная культура позволила им проявить уважение к языческому наследию и включить его элементы в новую славянскую церковную практику. Другое дело — русские священники. Перед ними стояла необходимость вести постоянную бескомпромиссную борьбу с язычеством, еще вполне живым и сильным на восточнославянской территории, поэтому они не имели возможности проявить такую широту взглядов. В русских апракосах нередко удалялись даже те названия, которые читались в болгарских оригиналах³⁶. Может быть, это делалось за ненадобностью, а может быть, в рамках вполне осознанной чистки церковной литературы от подозрительных языческих элементов.

References

- Almazov A. *Tainaia ispoved' v pravoslavnoi vostochnoi tserkvi. Opyt vneshnei istorii*, vol. 3. Odessa, Tipografiiia odesskogo voennogo okruga Publ., 1894, 415 p. (In Russian)
- Danilevskii I. N. O date Ostromirova Evangeliiia. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: spetsial'nye funktsii i gumanitarnye perspektivy*. Moscow, RGGU Press, 2001, pp. 93–94. (In Russian)
- Dolgov V. V. Funktsii iuridicheskikh tekstov v Drevnei Rusi (na primere «Merila pravednogo»). *Voprosy istorii*, 2013, no. 10, pp. 91–99. (In Russian)
- Fedorova M. A. Grafiko-orfograficheskie osobennosti Galitskogo evangeliiia 1144 g. *Drevnyaya Rus'*, 2019, no. 4, pp. 128–143. (In Russian)
- Gusev V. E. Nazvaniia vremen goda i mesiatsev u slavian. *Ocherki slavianskoi kul'tury: Pis'ma. Stat'i. Doklady. Polevye materialy*. St Petersburg, RIII Publ., 2012, pp. 101–108. (In Russian)
- Istrin V. M. *Knigy vremen'nyia i obraznyia Georgiia Mnikha: Khronika Georgiia Amartola v drevnem slavianorusskom perevode. Tekst, issledovanie i slovar'*. Vol. 1. Petrograd, Otd. rus. yaz. i slovesnosti Ros. akad. nauk Press, 1920, XVIII, 612, III p. (In Russian)
- Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*, vol. 1. St Petersburg, Tipografiiia P. Grecha Publ., 1818, 492 p.
- Kolesov V. V. *Istoriia russkogo iazyka v rasskazakh*. St Petersburg, Avalon. Azbuka-klassika Publ., 2005, 224 p. (In Russian)
- Korogodina M. V. *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vekakh: issledovanie i teksty*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, 579 p. (In Russian)
- Krushe'nickaia E. V. Ostromirovo Evangelie (1056–1057 gg.) i Rossiiskaia natsional'naia biblioteka: khranenie i izuchenie pamiatnika. *Ostromirovo Evangelie i sovremennye issledovaniia rukopisnoi*

³⁵ См., например: Любарский Я. Н. Византийские историки и писатели. СПб., 1999; Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 587–589.

³⁶ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV вв. С. 27.

- tradicii novozavetnykh tekstov*. St Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2010, pp. 15–40. (In Russian)
- Levshina Z. L. Zografskoe evangelie. *Pravoslavnaia enciklopediia*. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2009, pp. 315–316. (In Russian)
- Loseva O. V. *Russkie mesiatseslovy XI–XIV vv.* Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2001, 419 p. (In Russian)
- Lyubarskii Y. N. *Vizantiiskie istoriki i pisateli*. St Petersburg, Aleteiia Publ., 1999, 382 p. (In Russian)
- Miltenov Y. Tri plasta na leksikalno redaktirane v Zografskoto evangelie. *Slovène*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 12–24 (In Bulgarian)
- Musin A. E. O rasprostraneni khristianstva v Drevnei Rusi IX–XIV vv. na osnove dannykh arkheologii i pis'mennykh istochnikov. *Istoricheskii vestnik*, 2000, no. 6. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/443949.html> (accessed: 06.04.2021) (In Russian)
- Prozorovskii D. M. O slaviano-russkom dokhristianskom schislenii vremeni. *Trudy 8-go arheologicheskogo s'ezda v Moskve*, 1890, vol. 3. Moscow, 1897, pp. 200–217. (In Russian)
- Shchapov Y. N. Calendar in Pskov manuscripts of the 15th–16th centuries. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, vol. 37, Leningrad, 1983, pp. 157–183.
- Sobolevskii A. I. *Trudy po istorii russkogo iazyka*, vol. 1. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2004, pp. 1–156. (In Russian)
- Sreznevskii I. I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikom*, vol. 2. St Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1902, 918 p. (In Russian)
- Stepanov N. V. Edinitsy scheta vremeni (do XIII v.) po Lavrentievskoi i 1-i Novgorodskoi letopisiam. *Chteniia v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1909 god*, vol. 4 (231). Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1909, pp. 1–74. (In Russian)
- Stolyarova L. V. *Svod zapisei pistsov, khudozhnikov i perepletkhikov drevnerusskikh pergamentnykh kodeksov XI–XIV vv.* Moscow, Nauka Publ., 2000, 543 p. (In Russian)
- Sviatskii D. O. Kalendar' nashikh predkov. *Izvestiia ROLM*, 1917, no. 6 (30), pp. 283–292. (In Russian)
- Tvorogov O. V. Izbornik 1076 goda. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, vol. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1987, p. 197. (In Russian)
- Tvorogov O. V. Leksicheskii sostav "Povesti vremennykh let". *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, vol. 1. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, pp. 583–733. (In Russian)
- Vajavec M. Trnovsko tetrajevandeliije. *Starine*, 1889, vol. 21, pp. 67–68.
- Voskresenskii G. A. *Characteristic features of four editions of the Slavic translation of the Gospel of Mark based on one hundred and twelve manuscripts of the Gospel of the 11th–16th centuries*. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1895, 305 p. (In Russian)
- Vysotskii S. A. *Kievskie graffiti XI–XVII vv.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1985, 207 p. (In Russian)
- Yachin V. K voprosu o proiskhozhdenii drevnerusskikh nazvanii mesiatsev. *Mirovedenie*, 1928, vol. XVIII, no. 3, pp. 170–171. (In Russian)
- Zhivov V. M. Osobennosti retseptsii vizantiiskoi kul'tury v Drevnei Rusi. *Iz istorii russkoi kul'tury*, vol. 1. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 587–589. (In Russian)
- Zhuravel' A. V. Mesiatsy "knizhnye" i "nebesnye": ikh sootnoshenie na stranitsakh letopisei. *Istoriko-astronomicheskie issledovaniia*, vol. XXX. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 56–75. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2021 г.

Рекомендована к печати 14 марта 2022 г.

Received: April 7, 2021

Accepted: March 14, 2022